

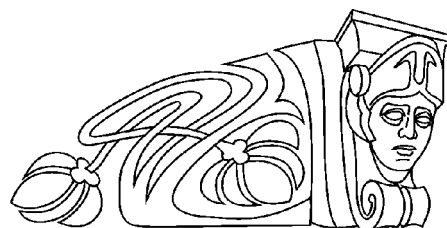

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2026. Т. 26, вып. 2. С. 171–179
Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2026, vol. 26, iss. 2, pp. 171–179
<https://imo.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-4907-2026-26-2-171-179>, EDN: FSWU FK

Научная статья
УДК [141.7:330.82](470+571)|185/186|+929Одоевский

В. Ф. Одоевский и Великие реформы: к характеристике либеральной программы мыслителя

Е. Д. Иванов

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет имени Н. И. Лобачевского, Россия, 603022, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, д. 23

Иванов Егор Дмитриевич, аспирант кафедры информационных технологий в гуманитарных исследованиях, 79209292041@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0009-3983-1761>, AuthorID: 1314119

Аннотация. Статья посвящена либеральному реформизму князя В. Ф. Одоевского 1850–1860-х гг. Показано, что защита князем русской общины в 1857 г. осложнила его продвижение к экономической свободе, сблизила с «охранительным» либералом Б. Н. Чичериным, но отдала от К. Д. Кавелина. Неуклонная либеральная последовательность в различных вопросах после наступления внутривнутриполитической реакции в 1866 г. свидетельствует о том, что вектор идеологического движения Одоевского происходил справа налево, что совпало со сдвигами в понимании князем личного начала и сущности свободы.

Ключевые слова: В. Ф. Одоевский, К. Д. Кавелин, Б. Н. Чичерин, М. Н. Катков, П. А. Валуев, И. С. Тургенев, С. С. Громека, М. П. Погодин, Великие реформы, либерализм, либеральный реформизм, консерватизм, славянофильство, русская крестьянская община, концепции политической и экономической свободы

Для цитирования: Иванов Е. Д. В. Ф. Одоевский и Великие реформы: к характеристике либеральной программы мыслителя // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2026. Т. 26, вып. 2. С. 171–179. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2026-26-2-171-179>, EDN: FSWU FK

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

V. F. Odoyevsky and the Great reforms: Toward a characteristic of the thinker's liberal program

E. D. Ivanov

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, 23 Gagarin Avenue, Nizhny Novgorod 603022, Russia

Egor D. Ivanov, 79209292041@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0009-3983-1761>, AuthorID: 1314119

Abstract. This article examines the liberal reformism of prince V. F. Odoyevsky in the 1850s and 1860s. It is shown that the prince's defense of the Russian community in 1857 complicated his progress toward economic freedom, bringing him closer to the "conservative" liberal B. N. Chicherin, but distancing him from K. D. Kavelin. His steadfast liberal position on various issues was expressed through sympathy for S. S. Gromeka, and his defense of liberal institutions after the onset of the domestic political regime in 1866. While evolving to the left, he was a like-minded person of his friend M. P. Pogodin, who, while adopting liberal ideology, criticized the conservatively minded P. A. Vyazemsky in those years. This evolution coincided with changes in the prince's personal principle and the essence of freedom.

Keywords: V. F. Odoyevsky, K. D. Kavelin, B. N. Chicherin, M. N. Katkov, P. A. Valuev, I. S. Turgenyev, S. S. Gromeka, M. P. Pogodin, Great Reforms, liberalism, liberal reformism, conservatism, Slavophilism, Russian peasant commune, concepts of political and economic freedom

For citation: Ivanov E. D. V. F. Odoyevsky and the Great reforms: Toward a characteristic of the thinker's liberal program. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2026, vol. 26, iss. 2, pp. 171–179 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2026-26-2-171-179>, EDN: FSWU FK

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Либеральный реформизм князя В. Ф. Одоевского 1850–1860-х гг. стал уже устоявшимся историографическим фактом. Он был очевиден таким дореволюционным авторам, как А. И. Кошелев [1, с. 3, 6], М. П. Погодин [1, с. 64],

К. П. Победоносцев [1, с. 81], Н. Ф. Сумцов [2, с. 43], А. П. Пятковский [3, с. 54–63], А. Ф. Кони [4, с. 28–29, 40–44], И. А. Кубасов [5, с. 128], Н. А. Котляревский [6, с. 152], Б. А. Лезин [7, с. 28]. Примечательно, что верный либе-

ральной трактовке проблем общественной мысли А. Н. Пыпин, характеризуя Одоевского 1860-х гг., с удовольствием отмечал его «живое сочувствие к лучшим движениям... общественного развития», имея в виду деятельность русских либералов эпохи Великих реформ [цит. по: 5, с. 128]. Движение в сторону либерализма было подмечено и отпевавшим князя священником К. Озеровым [8, с. 5]. Понятно, что, ограничиваясь рассуждениями общего характера, большинство дореволюционных авторов не ставило перед собой задачу дать пространную характеристику реформизма князя. К выполнению ее приблизился лишь П. Н. Сакулин. Характеризуя Одоевского как апологета крестьянской реформы, он подметил его отказ разрушить общину в конце 1850-х гг. [9, с. 218].

Существенно продвинули дело вперед советские исследователи. Так, у О. В. Цехновицера, проведшего большую работу в рукописном отделе ленинградской Публичной библиотеки, были все основания утверждать, что либерализм Одоевского, проблески которого были видны еще в николаевский период [10, с. 10, 16–17], окреп в эпоху Великих реформ. Отрекшись от «социальной близорукости» и перейдя к «научному реализму (т. е. позитивизму. – Е. И.)», Одоевский выступил теперь «решительным поборником близости с Европой», поверил в «благодетельность предпринимаемых правительством реформ», требовал устройства «суда гласного и беспощадного для воров, взяточников и бездельников». «Чутко реагирующий на дыхание времени, – заключает О. В. Цехновицер, – Одоевский не мог не ответить на отдельные этапы русской и европейской социальной жизни. Он следует течению эпохи, не боится пересмотра позиций прошлого и неустанно следит за всеми движениями и изменениями в духовных и социальных настроениях» [11, с. 37]. О. В. Цехновицеру, бесспорно, удалось весьма точно определить вектор эволюции Одоевского в эпоху Великих реформ. Его положения были развиты Б. П. Козьминым [12], М. А. Брискманом [13], Е. Ю. Хин [14, с. 34, 37], В. С. Виргинским [15, с. 197], причем несомненная удача сопутствовала здесь В. И. Сахарову [16, с. 26–28].

Современные авторы продолжили изучение Одоевского-либерала. Так, О. Д. Голубева [17, с. 163] и Ю. В. Манн [18, с. 193] развили положения своих предшественников. Е. Е. Дмитриева [19] и Е. Э. Вишневская [20, с. 309–327] существенно расширили наши представления о понимании князем крестьянского вопроса. Н. А. Жильцов, О. Н. Коржиков, О. И. Чердаков, анализируя оценку Одоевским судебной реформы 1864 г., поставили его в один ряд с поборником «чувства законности и справедливости» К. Д. Кавелиным [21, с. 63]. Некоторые же выводы требуют, на наш взгляд, корректировки.

Так, Е. Л. Рудницкая, анализируя позицию Одоевского, полагает, что ему всегда был присущ «эстетический гуманизм, где человек выступает как основополагающая ценность» [22, с. 366]. Князь, считает исследователь, всегда защищал «человеческую личность», «взгляд на которую свободен» у него «от фантома народности» [22, с. 367]. Уже из этих мыслей ясно, что Е. Л. Рудницкая не видит разницы между Одоевским 1830–1840-х и 1850–1860-х гг. Проблемы эволюции в понимании им личностного начала для нее не существует [23, с. 193–194, 200]. Спорным представляется нам и утверждение П. И. Федотовой о том, что апологетика князем Великих реформ была всего лишь восприятием «иллюзий либерального прогрессизма» [24, с. 18]. Ошибочен ее вывод о том, что поздний Одоевский несколько не эволюционировал в сторону западничества и, как следствие, являл собой «просветительскую ветвь славянофильства» [24, с. 7, 15]. Игнорируя данные источников, П. И. Федотова смело перечеркивает достижения советских историков, и в первую очередь О. В. Цехновицера, Б. П. Козьмина, М. А. Брискмана.

Нельзя не сказать и о работах зарубежных исследователей. Блестяще проанализировав философские и политические взгляды автора «Русских ночей», польский историк А. Валицкий фактически миновал рассмотрение эпохи Великих реформ, упомянув о ней лишь в одной из подстрочных сносок [25, с. 111]. Н. Корнуэлл, напротив, уделил ей значительную часть своей монографии [26, р. 183–196, 200–202, 206–209]. Защита буржуазных реформ, борьба за гражданские права и привлечение в Россию иностранного капитала, неуклонное стремление облегчить цензуру – таковы, по мнению автора, контуры либерализма Одоевского. Корнуэлл прав, называя князя «сторонником как монархии, так и реформ» одновременно [26, р. 190].

Подводя итог историографии вопроса, можно утверждать, что наибольшей популярностью у исследователей Одоевского пользуются оценки им крестьянской, судебной, цензурной реформ Александра II. Вместе с тем до сих пор нет ясности в том, как относился он к общине (особенно в 1860-е гг.), земской и университетской реформам. Картину его отношения к цензурному и судебному вопросам можно дополнить новыми данными. Мы не поймем особенностей либерального реформизма Одоевского, не сравним его позиции со взглядами идеологов как правого, так и левого изводов либерализма эпохи Великих реформ. Необходимо, естественно, выяснить, насколько устойчивым оказался либеральный реформизм князя после наступления внутривнутриполитической реакции в 1866 г. Также стоит проанализировать эволюцию понимания им сущности свободы и личностного начала, имевшую место в 1850–1860-е гг. Все это позво-

лит скорректировать, а в чем-то и опровергнуть выводы Е. Л. Рудницкой и П. И. Федотовой.

Цель исследования заключается, таким образом, в анализе либерального реформизма князя В. Ф. Одоевского 1850–1860-х гг., выявлении присущих ему особенностей. Источниками работы служат публицистика князя, его записные книжки и письма.

Начнем с крестьянского вопроса. Апологет правительственного курса, Одоевский совершенно неожиданно столкнулся с русской общиной и даже встал на ее защиту. «Он ревностно брал под защиту “целостность мира”, то есть противостоял появлению в общине, наряду с коллективной собственностью, частных земельных участков, – отмечают современные авторы. – Сохранение в неприкосновенности коллективной собственности на землю обещало, по мысли Одоевского, упрочение стабильности в русской деревне» [27, с. 97]. На заметку «Об устройстве быта поселян в Петербургской губернии» (11 декабря 1857 г.), проанализированную авторами статьи, впервые обратил внимание П. Н. Сакулин. Прочитав значительную часть документа, он указал на симпатии князя к издателю «Сельского благоустройства» А. И. Кошелеву и неприязнь к К. Д. Кавелину, – автору статьи «О новых условиях сельского быта» (1858 г.). «Статью Кавелина, – указывает Сакулин, – Одоевский затрудняется одобрить, несмотря на лучшие намерения ее автора. Она появилась слишком поздно прежде чем пускать ее в печать, Кавелину надлежало бы переработать ее применительно к новым условиям... изложенным в рескриптах» [9, с. 220]. Нам представляется, однако, что разница между Одоевским и Кавелиным была здесь куда более существенна. Автору следовало, конечно, обратиться к другой, более значимой статье русского либерала, увидевшей свет в 1859 г. Работа «Взгляд на русскую сельскую общину», которую мы имеем в виду, запечатлела результат серьезной эволюции либерала вправо. Русский «мир», признавал он, должен быть сохранен как противовес началу личной собственности. Общественная анархия становилась, таким образом, невозможной. Эти мысли вполне могли быть приняты Одоевским, поскольку проблема пролетаризации крестьянства, вставшая перед глазами русских либералов в преддверии реформы 19 февраля, бесспорно, тревожила и его. Но вот итоговые выводы Кавелина, конечно, не могли устроить князя. «За статьей Кавелина, – указывает В. А. Китаев, – стояло нечто большее, чем просто желание защитить общину как спасительную для России форму хозяйственного устройства крестьян. В конце 50-х гг. община была для него весомым аргументом в пользу построения новой историософии» [28, с. 55]. Предрекая гибель Европе, в которой «все мельчает, все изнашивается», Кавелин прямо признавался, что стал

«совершенным славянофилом» [29, с. 162–163]. Такой крен в сторону славянофильства был совершенно неприемлем для князя, беспощадно бичевавшего в своих письмах и публицистике рубежа 1850–1860-х гг. «татарщину», закоренелых «патриархов» [9, с. 220; 27, с. 96, 101; 30, с. 61]. Защита Одоевским коллективной собственности на землю в 1857 г. была, таким образом, не более чем формой экономической необходимости. Это свидетельствует об умеренном характере его либеральной программы, показывает близость ее к идейной позиции либерала-охранителя Б. Н. Чичерина, опасавшегося ломки «старого порядка» (союзник Кошелева Одоевский, однако, был принципиально не согласен с мыслью Чичерина о том, что община «не образовалась сама собой из естественного союза людей, а устроена правительством под... влиянием государственных начал» [29, с. 76, 188]).

П. Н. Сакулин не стал рассуждать о том, как относился Одоевский к русской общине в 1860-е гг. А здесь, на наш взгляд, имела место эволюция, аналогичная той, которую проделывал на рубеже 1850–1860-х гг. редактор «Русского вестника» М. Н. Катков [29, с. 190–193, 198–199]. «Мир есть неоцененное орудие, которое, елико возможно, должно охранить от всякого ослабления», – утверждал Одоевский в заметке «Об устройстве быта поселян в Петербургской губернии» (11 декабря 1857 г.) [цит. по: 9, с. 218]. Но тут же, ратуя за развитие крестьянского индивидуализма в записной книжке за 1857–1858 гг., опасался того, что излишнее консервирование общинных порядков может привести к коммунизму и социализму [31, л. 20, 49–50, 169]. В 1857 г. он делал выписки из «Экономического указателя» о том, что условия благосостояния заключаются в «самостоятельном труде, который был бы не стеснен в своих действиях», «личной независимости», «кредите», «учении и образовании» [32, л. 49–53]. Ратуя за буржуазно-капиталистическую модернизацию России, князь требовал «прекратить чинить обиды» «частному интересу» [26, р. 186; 31, л. 5, 7; 33; 34, л. 125]. Эти высказывания показывают, насколько ценной становилась для Одоевского-либерала человеческая индивидуальность. Вот почему, характеризуя общинные порядки летом 1864 г., он с горечью записывал в дневник, что «община... сделалась теперь тяжелым помещиком» [35, с. 183]. Свободная личность, как видим, оказалась сильнее общинного коллективизма.

Интересно, что борьба за свободу личности окончательно испортила отношения Одоевского со славянофилами в 1860-е гг. Принципиальный антииндивидуализм И. С. Аксакова был чужд князю. Разработанная славянофилом теория «общества» сразу же не понравилась Одоевскому прежде всего из-за игнорирования ее автором ценности «человеческого достоинства». Князь называл аксаковскую теорию «забавной

игрушкой» и «каламбуром», требуя «места для свободного действия» [27, с. 101]. Полемизируя со славянофилами, Одоевский все больше утверждался в своей апологии «свободного труда» и личности [27, с. 101; 30, с. 61; 36, с. 79; 37, л. 14 об.; 38, л. 66, 97], демонстрировал гораздо большую, чем в 1850-е гг., буржуазную последовательность. «Одним из главных препятствий против железных дорог было крепостное состояние», – утверждал он в статье «Значение судебной реформы» [39, л. 6], требуя «устранения отсталых последствий» его [цит. по: 12, с. 85]. Одоевский был уверен: сковывающий волю личности русский «мир» не мог более продолжать свое существование.

Известная осторожность была продемонстрирована Одоевским и в земском вопросе. Отпустивший на волю своих крепостных, бичевавший аристократическую партию «Вести», пожертвовавший своими дворянскими привилегиями, Одоевский приветствовал буржуазный принцип бессословности новой эпохи. Он искренне радовался учреждению земских учреждений «из всех сословий», восставал против стремления аристократов избавиться от «равноправной», то есть сословной свободы [3, с. 70–72, 75; 35, с. 248, 292]. Господство в земстве землевладельческой аристократии было для него, таким образом, совершенно недопустимо.

В статье «Недовольно» он писал, что новые учреждения местного самоуправления могут искоренить «вековые недоразумения» общественного быта России [36, с. 79]. Одобривший передачу хозяйственных вопросов из центра на места, Одоевский недоумевал в дневнике по поводу того, что местная администрация не желала расставаться с предоставленной ей ранее сферой деятельности [35, с. 224–225].

И все-таки земская самостоятельность имела, с точки зрения Одоевского, весьма определенные границы. Князь считал, что земцам не следует выходить за рамки правительственной инициативы [35, с. 203]. Вот почему, получив в начале 1867 г. телеграмму о закрытии петербургского земского собрания, он вздохнул с облегчением [35, с. 227]. Желая предупредить «школьничества» земцев, Одоевский смыкался с абсолютизмом в преследовании земского либерализма. Он не мог принять ни валуевской идеи об «увенчании» земского «здания» путем привлечения выборных в состав Государственного совета [40, с. 125–127], ни кошелевского «либеральничания в руку дворянства» [27, с. 99–100; 41, с. 169], ни навешенной Р. Гнейстом мысли М. Н. Каткова и И. С. Тургенева о том, что движение к парламентаризму необходимо начинать с постановки местного самоуправления [29, с. 115–118; 42, с. 97].

В сравнении с крестьянским и земским вопросами, Одоевский демонстрировал несравненно большую либеральную последовательность

в вопросе университетском. Полный либеральных надежд князь решительно приветствовал университетскую свободу новой эпохи. Наблюдая репрессии, которые правительство обрушило на петербургское студенчество осенью 1861 г., он, делая записи в дневнике, фиксировал «сильное в публике озлобление», укорял Н. П. Игнатьева за «излишнюю деятельность», переросшую в «искусственную революцию» [35, с. 138]. Рассуждая о репрессивных мерах правительства, Одоевский был готов оправдать поступок Игнатьева и заявить о том, что он «не мог действовать иначе». Но сдержанности не было места, когда князь анализировал идею министра народного просвещения Е. В. Путятина «придать университету совершенно школьный характер, – потому что так в Оксфордском университете, основанном английскими лордами». «Следствием этих идей, – опасался Одоевский, – было бы у нас усиление, или... искусственное образование сильной аристократической партии, столь несвойственной ни духу, ни условиям России и, сверх того, самой опасной для монархического правления» [35, с. 138]. Исключительно дворянский состав студенчества, исключавший разночинский элемент, был совершенно неприемлем для князя. Вот почему он не мог согласиться и с позицией П. А. Валуева, которая по содержанию своему совпадала с точкой зрения министра народного просвещения Е. В. Путятин [35, с. 140].

Нам неизвестно, как Одоевский воспринял университетский устав 1863 г. Занятый сенатской работой в Москве, он оказался далек от бурных студенческих манифестаций Петербурга. Но вероятно, что борющийся за университетскую свободу осенью 1861 г. князь был искренне рад предоставленной университетам широкой автономии (здесь он мог опереться на мнение своего друга – бывшего профессора истории М. П. Погодина, выглядевшего апологетом устава 1863 г. [43, с. 216, 231, 240–242, 246]). Во всяком случае, бесспорно, что ему была чужда позиция Каткова, боявшегося пускать в университеты «лиц недворянского происхождения» [29, с. 155]. Разногласия с редактором «Московских ведомостей» возникли и в сентябре 1865 г. Протестуя против катковской точки зрения на классическую систему образования [44], Одоевский, на наш взгляд, сблизился со своим давним другом А. А. Краевским – издателем газеты «Голос» [45, с. 206].

Либерализация цензуры в 1850–1860-е гг. вызвала одобрение Одоевского, который ранее служил цензором. Наиболее удачный вариант анализа данного вопроса представил, на наш взгляд, Н. Корнуэлл [26, р. 200–202]. Однако есть возможность дополнить сообщаемые им данные. Апологет гласности в период Крымской войны и после ее завершения [3, с. 54–55, 57–58],

Одоевский с восхищением отзывался о ее защитниках в новую эпоху. Одним из таковых оказался сотрудник образованного в 1856 г. «Русского вестника» С. С. Громека. В конце 1850-х гг. Одоевский решительно вступился за него, раскритиковав напечатанную в «Русском инвалиде» статью В. Александрова. Делая выписки из 2-й январской книжки «Русского вестника» за 1859 г., Одоевский восторгался английской гласностью [46, л. 34 об.–37]. «Гласность не в унижении власти» [46, л. 38], – писал Одоевский, полностью солидаризируясь с Громекой [29, с. 66].

Поддержка Громеки, а также бывшая служба в цензурном ведомстве заставила Одоевского уже в конце 1850-х гг. размышлять о целях и задачах будущей цензурной реформы. Вот почему в 1859 г. им подготовлено «Письмо сопроводительное о работе над новым цензурным уставом» с приложенной к нему запиской [47]. Интерес для нас представляет именно «Письмо...», более пространное и содержательное, законченное 8 ноября 1859 г. в 7 часов утра; адресатом его не мог быть Александр II, так как Одоевский пространно характеризует его в конце текста [47, л. 282]. Логичнее предполагать, что оно было написано министру народного просвещения Е. П. Ковалевскому. В начале его автор вскрывал несостоятельность «мер принудительных и карательных», доказывая, что запрещение литературы только разжигало интерес к ней общественности. Расходившееся в списках «Горе от ума», всевозможные «изустные рассказы» на острую социально-политическую проблематику – этими примерами подкреплял он свой тезис. Вспоминал он и Крымскую войну, «возбуждавшую против нас общее остервенение». Но хуже всего было то, что даже самая строгая цензура была не в силах сковать литератора [47, л. 276].

В основной части автор обозначал цель предстоящей реформы, конкретизировал ее причины, рассуждал о ее выгодах. «Один исход, – утверждал он, – смело выговорить слово: отмена цензуры. Это слово как зеркало может осветить всю дорогу» [47, л. 281]. К этому подталкивал не только «недостаток единства в цензурных действиях» и «частые изменения в направлении цензуры», но и необходимость охранить свободу литератора, без которой не могла развиваться «человеческая мысль». Собственно, в охране драгоценной свободы автор и видел главное преимущество реформы. Он уверял, что за ней неизбежно должны прийти «улучшение административного быта России», «уничтожение безнаказанности» и даже «усиление нашей торговой и промышленной деятельности» [47, л. 272–274].

Автор отдавал себе отчет в том, что мгновенная либерализация цензуры могла привести к хаосу в обществе. Но сделать шаг назад значило вернуться в прошлое, остановить симпатичный автору процесс «обновления России». «Какая

будет неожиданная нажива нашим врагам!» – предупреждал он [47, л. 286].

Опасность промедления проглядывает и в приложенной к «Письму...» записке. В ней автор уже не стеснялся сравнивать цензурный гнет с «пыткой», «тайной канцелярией», «словом и делом». «Дайте хоть что-нибудь!» – восклицал он и заключал свои рассуждения следующим образом: «Гласность правительству не опасна, а полезна. Потребность ее, при существующих злоупотреблениях тем сильна, что нет возможности остановить ее. Если ее запретить в одном виде, она явится в другом. Правительство приобретет приверженцев в большей части своих людей» [47, л. 293, 295]. Таковы мысли Одоевского по поводу проблемы цензурного гнета в 1859 г.

В контексте нашей темы любопытно отметить, что под давлением либеральной эпохи монархизм Одоевского все-таки стал уступать место защите интересов общества, стремившегося к свободе слова. Вот почему в 1859 г. он отправил Александру II письмо, в котором, солидаризируясь с мнением общественности, выразил недовольство репрессивной политикой правительства в печатной среде [48]. Итак, глубина прорываемой князем эволюции влево была настолько значительной, что на ее фоне стал ослабевать даже его монархизм. Не абсолютизм, а общество, жаждущее свободы слова и печати, гласности, – вот что приковывало его внимание в первую очередь.

Встретивший судебную реформу 1864 г. с «особенным сочувствием и горячими надеждами», Одоевский выглядел, по верному утверждению К. П. Победоносцева и А. Ф. Кони, убежденным защитником законности и буржуазного правового порядка новой либеральной эпохи. Неслучайно неутомимый князь желал заполучения должности председателя судебной палаты. «По долгу повиновения Государю я рад принять в нем (судебном деле. – Е. И.) участие», – писал он министру юстиции Д. Н. Замятнину в конце 1866 г. [49, л. 160]. Апологет Судебных уставов 20 ноября 1864 г. и английского суда присяжных, Одоевский чувствовал свою близость к англomanу Каткову. Вот почему «Московские ведомости» стали для него площадкой для публицистических выступлений [50, 51]. Наконец, Одоевский-либерал, характеризуя судебные учреждения в статье «Недовольно», жаждал всеохватывающего распространения гласности в судебной камере [36, с. 80]. Он утверждал, что малейший отход к «полугласности», был недопустим [46, л. 37 об.; 51]. В этой последней мысли Одоевского нельзя, конечно, не различить следов влияния уже знакомого нам Громеки.

Говоря об отношении Одоевского к Великим реформам, нельзя, разумеется, обойти стороной проблему ревизии преобразований, стремительно начавшуюся после каракозовского покушения 1866 г. У мыслителя были, конечно, основания

беспокоиться о судьбах самодержавия, оказавшегося в опасности вследствие нарастающей борьбы революционной демократии. Но это беспокойство вовсе не вело к отказу от впитанного им либерализма. Да, в 1866 г. он выступил апологетом абсолютизма и Н. М. Карамзина [35, с. 224, 227], празднование юбилея которого символически удачно совпало с началом реакции. Но и после этой даты он продолжил защищать свободу личности, суд присяжных и буржуазный правовой порядок, свободу мысли, слова и печати, университетскую свободу [35, с. 213; 52; 53; 54, л. 1, 7–8]. Нам представляется, что причина такой либеральной последовательности, среди прочего, заключается в близости Одоевского к вел. кн. Константину Николаевичу и вел. кн. Елене Павловне [3, с. 51–55; 35, с. 122, 126, 128, 130, 144, 146, 152, 191–192, 212; 54]. Защищая либерализм после 1866 г., Одоевский, кстати, был единомышленником своего друга М. П. Погодина, который также проделывал эволюцию влево [26, р. 187; 35, с. 241; 43, с. 259, 273, 284, 608; 55] и критиковал консервативно настроенного П. А. Вяземского [56, с. 321].

Особого разговора заслуживает проблема эволюции в понимании князем личностного начала и сущности свободы. Е. Л. Рудницкой, как мы видели ранее, не удалось почувствовать эту динамику, а потому итоговый вывод ее грешит статичностью. Его необходимо привести полностью. «В политическом плане, – пишет она, – путь Одоевского шел между консерватизмом, последовательным монархизмом и полным отрицанием сословности. Он ратовал за утверждение абсолютного равенства прав всех граждан, неукоснительное соблюдение законности, чему следовал на протяжении своей государственной деятельности». «И, за всем этим, – заключает автор, – собственный аристократизм духа, внутренняя свобода и их социальная ипостась – безусловный примат человеческой личности, взгляд на которую свободен у Одоевского от фантома народности» [22, с. 367]. Очевидно, что характеристики позиции князя, использованные здесь, принадлежат разным историческим периодам. Так, внутренняя свобода действительно влекла Одоевского в николаевский период. «Абсолютное равенство всех граждан», «неукоснительное соблюдение законности», «безусловный примат человеческой личности», – все это убеждения позднего Одоевского-либерала. Тезис о том, что мыслитель всю жизнь ратовал за «полное отрицание сословности» вообще ошибочен [9, с. 215; 10, с. 18; 12, с. 81; 25, с. 111]. Разговор о понимании Одоевским личностного начала и сущности свободы стоило, конечно, начинать с характеристики его увлечения Шеллингом в 1820–1830-е гг., что Е. Л. Рудницкая и делает. «Он, – правильно пишет автор, – переносит на него (человека. – Е. И.) шеллингианскую идею целостности существа, целостности познания, целостности личности

и... в этом видит “идеальную задачу внутренней работы”» [23, с. 193]. По мнению автора, повлиял на Одоевского и «дух христианства». Следуя ему, князь «перенес центр тяжести из плоскости общественной в плоскость индивидуальную». «Только из частных совершенствований может составиться совершенствование общее», – полагал князь в 1830–1840-е гг. [цит. по: 22, с. 366]. Мысли князя переданы Е. Л. Рудницкой в целом верно. Но из них вовсе не следует, что Одоевский «придавал личностному началу абсолютную нравственную ценность». Увлечшись проблемами «эстетического гуманизма», автор явно уходит в сторону от идеологической сущности проблемы. Е. Л. Рудницкая утверждает, что именно человек был для Одоевского «основополагающей ценностью», видя в князе «продолжателя гуманистической линии развития русской мысли». Такое высказывание вполне можно истолковать в либеральном смысле. На самом деле, автору следовало заострить внимание на бесспорно консервативной сущности представленных ею рассуждений Одоевского 1830–1840-х гг. Ставка на личное, необщественное самосовершенствование, увлечение шеллингианской идеей «целостности личности» – это выбор консерватора [28, с. 77; 41, с. 24, 39], и в этом качестве Одоевский противостоит либералам-западникам николаевской эпохи. Такой консерватизм, понятно, был уже чужд Одоевскому-либералу «шестидесятых годов». Круто эволюционируя влево, князь ревизовал свое понимание личностного начала и сущности свободы. Вдохновленный вольной атмосферой «оттепели» 1855–1857 гг. [57, с. 13], он с удовольствием защищал теперь личную и экономическую свободу, требовал упразднения цензурного гнета, радовался тому, что Россия «стройно дышит вольным дыханием жизни». «Поселянин, отдохнувший от барщины, начинает в свободном труде сознать самого себя, понимать свое неведение и необходимость из него выйти, – писал Одоевский в статье “Недовольно”. – Русский человек... невольно распахивается, ... он как будто вспоминает залежные в глубине души его истины...» [36, с. 79, 81]. «Человек беспрестанно стремится сохранить свою личность», – утверждал князь в записной книге за 1863–1864 гг., восхваляя «гражданское стремление к индивидуальной свободе» и говоря о необходимости установления гражданского общества в России [38, л. 97, 66–66 об.]. Присоединяясь к либералам и бичуя славянофилов, он решительно требовал «места для свободного действия» «одного индивидуума» [27, с. 101; 31, л. 169]. Да, Одоевский рассуждал в 1850–1860-е гг. о «любви к себе как к агенту Божества», стремился «реализовать христианство в общественной жизни», «сообразить» его с «политическими условиями» [38, л. 81, 242; 39, л. 6]. Но тут же подчеркивал, что именно благодаря

христианству получили развитие «свобода и достоинство человека» [38, л. 241]. Эта мысль была, несомненно, созвучна эпохе. Неслучайно отпевавший князя священник К. Озеров, выступая на похоронах 29 февраля 1869 г., подчеркнул, что князь «любил и уважал в человеке душу разумную и свободную» [8, с. 5]. На место шеллингианской философии личности, как видим, пришла либеральная трактовка «индивидуума». Ничего не осталось и от внутренней свободы, поскольку Одоевский, как апологет Судебных уставов 20 ноября 1864 г., требовал теперь развития «общественной нравственности» в суде присяжных [4, с. 44; 36, с. 80–81; 58, л. 19; 59, л. 35–36 об.]. Таков результат глубокой идеологической эволюции влево, которую Е. Л. Рудницкая оставила без внимания.

Возвращаясь к выводам П. И. Федотовой, напомним, что у неё, как мы помним, нет никаких сомнений в том, что продвижение Одоевского влево было всего лишь восприятием «иллюзий либерального прогрессизма». Эти иллюзии позитивистского толка, утверждает она, легко сопрягались с самобытностью России, что сближало позднего Одоевского с Н. Я. Данилевским. Нисколько не эволюционируя в сторону западничества, считает автор, князь продолжал оставаться в 1850–1860-е гг. «славянофилом-просветителем». П. И. Федотова считает, что его разногласия с А. С. Хомяковым и К. С. Аксаковым «были разногласиями внутри славянофильской доктрины, а не вне ее» [24, с. 17–18]. Не будем рассуждать о степени близости позднего Одоевского и Н. Я. Данилевского – решить эту проблему не составляет труда для современных исследователей [60, с. 328]. Зададимся лишь вопросом о том, был ли совместим представленный нами либеральный реформизм Одоевского 1850–1860-х гг. со славянофильским учением? Важнейшими ценностями были для него, бесспорно, свобода личности и индивидуализм, западная наука, буржуазный правовой порядок. Этот глубинный либерализм бил в самое сердце консервативной утопии славянофилов. Он не вписывается в рамки славянофильской доктрины и составляет ей очевидную оппозицию. Отсюда гневное обличение Одоевским «китайско-татарского строя», «фантазмагорий закостенелых патриархов» [9, с. 220; 27, с. 96, 101; 30, с. 61; 37]. Отрицать этот либерализм значит в упор игнорировать источники. П. И. Федотова, кстати, уклоняется от анализа текстов, где содержатся прямые оценки Одоевским славянофильского кружка (мы имеем в виду статьи Одоевского «Стрелецкое толкование о всеобщем растлении» (1859 г.) [27, с. 96], «Что значит на самом деле слова: народный быт, народное бытовое воззрение, исторический народный быт» (1860-е гг.) [27, с. 101], «Несколько робких слов в защиту русского народа» (начало

1860-х гг.) [37]). Не потому ли, что либеральная сущность их очевидна?

Подведем итоги. Защита Одоевским общины в 1857 г. говорит об умеренном характере его либеральной программы, показывает, что движение его к экономической свободе было задержано необходимостью на время сохранить общину как спасительную форму хозяйственного устройства крестьян. Это сближало его с «охранительным» либералом Б. Н. Чичериным, но отдаляло от К. Д. Кавелина, для которого «мир» становился теперь «весомым аргументом в пользу построения новой историософии». Ревизуя свое отношение к общине на рубеже 1850–1860-х гг., он проделывал ту же эволюцию, что и редактор «Русского вестника» М. Н. Катков. Ратуя за буржуазный принцип бессловности в земстве, требуя даровать новым органам самоуправления свободу хозяйственной деятельности, князь, однако, фактически вступал в борьбу с земцами-либералами. Точка зрения прошедших школу Р. Гнейста либералов М. Н. Каткова и И. С. Тургенева о том, что движение к парламентаризму должно начинаться с постановки местного самоуправления, была, без всякого сомнения, чужда ему (как и мысль о возможности введения конституции в России вообще). С другой стороны, неуклонная либеральная последовательность в университетском, цензурном и судебном вопросах, симпатия к С. С. Громеке, стремление защитить либеральные институты после наступления внутривластной реакции в 1866 г. свидетельствуют о том, что общий вектор идеологического движения Одоевского происходил, несомненно, справа налево. Прodelывая эволюцию влево, он был единомышленником своего друга М. П. Погодина, который, усваивая либеральную идеологию, критиковал в данные годы консервативно настроенного П. А. Вяземского. Эволюция эта совпала и со сдвигами в понимании князем личностного начала и сущности свободы: шеллингианство и внутренняя свобода уступили место «общественной нравственности» и «гражданскому стремлению к индивидуальной свободе». Избегая крайностей левого либерализма в духе А. М. Унковского, Одоевский восхищался либерализмом правительственным, разумным и умеренным.

Список литературы

1. В память о князе Владимире Федоровиче Одоевском. Заседание общества любителей российской словесности 13 апреля 1869 года. М. : Типография «Русского», 1869. 123 с.
2. Сумцов Н. Ф. Князь В. Ф. Одоевский. Харьков : Типография М. Зильберберга, 1884. 63 с.
3. Пятковский А. П. Князь В. Ф. Одоевский и Д. В. Веневитинов. СПб. : Типография Главного управления уделов, 1901. 167 с.

4. Кони А. Ф. Князь Владимир Федорович Одоевский (Очерк). СПб. : Типография Н. П. Собко, 1903. 48 с.
5. Кубасов И. А. Одоевский Владимир Федорович // Русский биографический словарь : в 25 т. СПб. : Типография Главного управления уделов, 1905. Т. 12. С. 124–152.
6. Котляревский Н. А. Старинные портреты: Е. А. Баратынский, Д. В. Веневитинов, кн. В. Ф. Одоевский, В. Г. Белинский, И. С. Тургенев, гр. А. К. Толстой. СПб. : Типография М. М. Стасюлевича, 1907. 457 с.
7. Лезин Б. А. Очерк жизни и литературной деятельности кн. В. Ф. Одоевского. Харьков : Типография М. Зильберберга, 1907. 152 с.
8. Озеров К. Два надгробных слова: 1. Слово при погребении сенатора князя В. Ф. Одоевского 29 февраля 1869 года. 2. Слово при погребении княгини О. С. Одоевской 20 мая 1872 года. М. : Университетская типография (Катков и К^о), 1872. 10 с.
9. Сакулин П. Н. К истории крестьянского вопроса (по неизданным материалам) // Современник. 1912. № 11. С. 215–222.
10. Цехновицер О. В. Предисловие // Одоевский В. Ф. Романтические повести. Л. : Прибой, 1929. С. 5–20.
11. Цехновицер О. В. Силуэт // Одоевский В. Ф. Романтические повести. Л. : Прибой, 1929. С. 25–99.
12. Козьмин Б. П. Одоевский в 1860-е годы // Литературное наследство. М. : Журнально-газетное объединение, 1935. Т. 22–24. С. 79–89.
13. Брискман М. А. Одоевский и его дневник // Литературное наследство. М. : Журнально-газетное объединение, 1935. Т. 22–24. С. 89–91.
14. Хин Е. Ю. В. Ф. Одоевский // Одоевский В. Ф. Повести и рассказы. М. : ГИХЛ, 1959. С. 3–38.
15. Виргинский В. С. В. Ф. Одоевский как социолог и утопист // Вопросы истории. 1970. № 2. С. 196–204.
16. Сахаров В. И. О жизни и творениях В. Ф. Одоевского // Одоевский В. Ф. Сочинения : в 2 т. М. : Художественная литература, 1981. Т. 1. С. 5–28.
17. Голубева О. Д. В. Ф. Одоевский. СПб. : Изд-во РНБ, 1995. 168 с.
18. Манн Ю. В. Русская философская эстетика. М. : МАЛП, 1998. 379 с.
19. Князь Владимир Федорович Одоевский: переписка с великой княгиней Марией Павловной, великой герцогиней Саксен-Веймар-Эйзенах. М. : ИМЛИ РАН, 2006. 373 с.
20. Вишневецкая Е. Э. В. Ф. Одоевский в истории книжной культуры России (1820–1860-е годы). М. : Пашков дом, 2014. 485 с.
21. Жильцов Н. А., Коржииков О. Н., Чердаков О. И. Обоснование изменения правовой системы российского государства в философско-правовых доктринах второй половины XIX – начала XX в. // Юридическая наука. 2017. № 3. С. 63–68.
22. Рудницкая Е. Л. Одоевский В. Ф. // Общественная мысль России XVIII – начала XX века: энциклопедия. М. : РОССПЭН, 2005. С. 364–367.
23. Рудницкая Е. Л. Русская мысль после 14 декабря 1825 года. М. : Эдиториал УРСС, 1999. 270 с.
24. Федотова П. И. Философско-культурологические идеи в творчестве В. Ф. Одоевского : автореф. дис. ... канд. философ. наук. Великий Новгород, 2004. 20 с.
25. Валицкий А. В кругу консервативной утопии. Структура и метаморфозы русского славянофильства. М. : Новое литературное обозрение, 2019. 701 с.
26. Cornwell N. V. F. Odoyevsky. His life, times and milieu. L. : Bloomsbury Academic, 2015. 448 p.
27. Иванов Е. Д., Медоваров М. В. В. Ф. Одоевский и славянофилы в 1850–1860-е гг. // Соловьевские исследования. 2025. № 2. С. 94–104. <https://doi.org/10.17588/2076-9210.2025.2.094-104>
28. Китаев В. А. Либеральная мысль в России (1860–1880 гг.) Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2004. 377 с.
29. Китаев В. А. От фронды к охранительству. Из истории русской либеральной мысли 50–60-х годов XIX века. М. : Мысль, 1972. 288 с.
30. Греков В. Н. В. Ф. Одоевский и славянофилы // Медиальманах. 2013. № 2. С. 54–64.
31. Одоевский В. Ф. Записная книжка за 1857 и 1858 гг. // Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). Ф. 539 (В. Ф. Одоевский) Оп. 1. Ед. хр. 34. 186 л.
32. Одоевский В. Ф. Тетрадь с заметками и выписками из газет за 1856–1857 гг. // ОР РНБ. Ф. 539. Оп. 1. Ед. хр. 65. 62 л.
33. Одоевский В. Ф. Безвыходный круг: нет финансов без просвещения; бесплодно просвещение без гласного правосудия; невозможно правосудие без финансов. Статья, 7 января 1857 г. // ОР РНБ. Ф. 539. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 84–92.
34. Одоевский В. Ф. Письма чиновника, 1856 г. // ОР РНБ. Ф. 539. Оп. 1. Ед. хр. 9. Л. 123–131 об.
35. Текущая хроника и особые происшествия. Дневник В. Ф. Одоевского 1859–1869 гг. // Литературное наследство. М. : Журнально-газетное объединение, 1935. Т. 22–24. С. 79–308.
36. Одоевский В. Ф. Недовольно. Посвящ. И. С. Тургеневу // Беседы в обществе любителей Российской словесности. 1867. № 1. С. 65–84.
37. Одоевский В. Ф. Несколько робких слов в защиту русского народа. Статья, начало 1860-х гг. // ОР РНБ. Ф. 539. Оп. 1. Ед. хр. 17. Л. 12–14 об.
38. Книга записная, расположенная по алфавиту и содержащая в себе выписки из разных книг и газет, замечания и мысли князя В. Ф. Одоевского, 1863–1864 гг. // ОР РНБ. Ф. 539. Оп. 1. Ед. хр. 22. 308 л.
39. Одоевский В. Ф. Значение судебной реформы. Статья, 1860-е гг. // ОР РНБ. Ф. 539. Оп. 1. Ед. хр. 86. Л. 1–8.
40. Зайончковский П. А. Кризис самодержавия на рубеже 1870–1880-х гг. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1964. 511 с.
41. Китаев В. А. XIX век: пути русской мысли. Н. Новгород : Изд-во Нижегородского ун-та, 2008. 355 с.
42. Китаев В. А. К истории либерализма в России: вторая половина XIX – начало XX века. Н. Новгород : Изд-во Нижегородской консерватории, 2023. 320 с.

43. *Погодин М. П.* Сочинения : в 5 т. М. : Синодальная типография, 1872. Т. 3. 627 с.
44. *Одоевский В. Ф.* Что для России нужнее – средневековая схоластика или классические науки? Статья, сентябрь 1865 г. // ОР РНБ. Ф. 539. Оп. 1. Ед. хр. 17. Л. 122–123.
45. *Кругликова О. С.* «Московские ведомости» М. Н. Каткова в полемике о реформе образования в 1860–1870-х гг. // Известия Уральского государственного университета. Серия 1. Проблемы образования, науки и культуры. 2008. № 56. С. 205–209.
46. *Одоевский В. Ф.* Весьма важное замечание по весьма важному вопросу. Статья по поводу статьи В. Александрова в № 80 «Русского Инвалида» «Замечание на заметку г. Громеки, помещенную во 2-й январской книжке “Русского Вестника” 1859 г.», 1859 г. // ОР РНБ. Ф. 539. Оп. 1. Ед. хр. 2. Л. 33–40 об.
47. *Одоевский В. Ф.* Письмо сопроводительное при записке о работе над новым цензурным уставом и проект этой записки, 1859 г. // ОР РНБ. Ф. 539. Оп. 1. Ед. хр. 96. Л. 264–295.
48. *Одоевский В. Ф.* Письмо Александру II, 1859 г. // ОР РНБ. Ф. 539. Оп. 1. Ед. хр. 85. Л. 64–65 об.
49. *Одоевский В. Ф.* Письма Д. Н. Замятнину, 28 октября, 27 декабря 1866 г. и б. д. // ОР РНБ. Ф. 539. Оп. 1. Ед. хр. 96. Л. 154–161.
50. *Старый судья [Одоевский В. Ф.]* Великий день 20 ноября // Московские ведомости. 1867. № 255, 21 ноября.
51. [*Одоевский В. Ф.*] Гласность и полугласность – разница // Московские ведомости. 1868. 28 авг. № 186.
52. *Одоевский В. Ф.* Записка для Государя // Русский архив. 1895. № 5. С. 40–51.
53. *Одоевский В. Ф.* Девятнадцатое февраля // Русский архив. 1874. № 7. Стб. 39–42.
54. *Одоевский В. Ф.* Письма великому князю Константину Николаевичу. Письмо великой княгине Елене Павловне, 25 апреля и 21 мая 1866 г. // ОР РНБ. Ф. 539. Оп. 1. Ед. хр. 101/9. 12 л.
55. *Сугако Н. А.* Оценка М. П. Погодиным реформ 60–70-х годов XIX века в России // Гісторыя: праблемы выкладання. 2007. № 1. С. 48–53.
56. *Гросул В. Я.* Русский консерватизм после Крымской войны (1856–1859 гг.) // От Древней Руси к новой России: юбилейный сборник, посвященный члену-корреспонденту РАН Я. Н. Щапову / отв. ред. А. Н. Сахаров. М. : Паломнический центр Московского патриархата, 2005. С. 309–327.
57. *Иванов Е. Д.* Трансформация общественно-политических взглядов В. Ф. Одоевского в 1850-е гг. // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2025. № 2. С. 8–15.
58. *Одоевский В. Ф.* Великое дело. Статья, 1862 г. // ОР РНБ. Ф. 539. Оп. 1. Ед. хр. 8. Л. 18–19.
59. *Одоевский В. Ф.* Путевые заметки, сделанные во время путешествия за границу в 1856–1857 гг. Кенигсберг, Берлин, Веймар, Париж, Кельн, 21 ноября 1856 г. – 28 июля 1857 г. // ОР РНБ. Ф. 539. Оп. 1. Ед. хр. 47. 213 л.
60. *Иценко Н. С.* Историософия В. Ф. Одоевского с позиций учения о России как государстве-цивилизации // Тетради по консерватизму. 2025. № 2. С. 324–330.

Поступила в редакцию 16.11.2025; одобрена после рецензирования 27.11.2025; принята к публикации 20.01.2026; опубликована 30.06.2026

The article was submitted 16.11.2025; approved after reviewing 27.11.2025; accepted for publication 20.01.2026; published 30.06.2026